

Послѣ годичная перерыва № 10 «Новаго Града» выходитъ с новым, расширеннымъ содержаніемъ. До сих пор наш журналъ былъ посвященъ преимущественно социальнo-политическому кризису стараго міра и схемамъ реконструкціи Града, какъ гражданскаго общества. Что за революціей общественнаго быта стоить глубокой переворотъ в духовномъ сознаніи, мы никогда не отрицали. Для насъ всегда былъ ясенъ первичный, главенствующій характеръ духовной линіи единаго процесса жизни. Если же мы до сих пор, в теченіе двухъ лѣтъ, отдавали свои силы почти исключительно социальнымъ проблемамъ, то дѣлали это, во-первыхъ, исходя изъ большей остроты и грандіозности ихъ проявленій — время не терпитъ, — а во-вторыхъ, изъ болѣе насущной потребности именно ихъ разработки, порядочно запущенной русской религіозной мыслью. Эта мысль, безспорно, отличалась сильно выраженнымъ социальнымъ устремленіемъ; но в тоже время всегда удѣляла слишкомъ мало вниманія конкретнымъ вопросамъ социальной жизни, которые предоставлялись специалистамъ чуждаго духа и направленія.

Далекіе от мысли дать послѣдніе отвѣты или законченныя формулировки для самыхъ жгучихъ социальныхъ вопросовъ современности, мы однако во многомъ достигли той степени конкретности, которая единственно мыслима для оторванной отъ социальной почвы эмигрантской мысли. Дальнѣйшая конкретизація, необходимая на родинѣ, в условіяхъ подлиннаго строительства, можетъ оказаться бесплодной и претенціозной на чужбинѣ.

Не отрекаясь отъ разработки нашихъ старыхъ темъ, мы обращаемся къ новымъ, которыя оказываются очень старыми в традиціи русской мысли. Дѣйствительно, с тѣхъ самыхъ поръ, какъ эта мысль пролепетала свои первыя русскія слова, проблема духовнаго кризиса современнаго міра не перестаетъ волновать ее. Ею мучились первые славянофилы и Герцен, и при всей упрощенности и даже грубости, с которой она встала передъ основоположниками русскаго національнаго самосознанія, славянофилы оказались правы в своемъ діагнозѣ болѣзни. Они оши-

бались, думая, что это болѣзнь западнаго міра, что Россія может оказаться в сторонѣ от общей участи. Нѣтъ, драгоцѣнное и опасное наслѣдіе гуманизма, которое они сами несли в себѣ, как сыны созданной Петром интеллигенціи, требовало расплаты. Духовный распад Россіи оказался совершенно подобным, даже болѣе острым и ускоренным, чѣм «гниеніе» Запада. При всем своеобразіи русской, восточно-христіанской традиціи, Россія спаена неразрывно со всѣм христіанским человѣчеством. Падшая, как и все оно, Россія сейчас менѣе, чѣм когда-либо, может притязать на роль спасительницы. Думать, что коммунизм несет в себѣ спасеніе от фашизма (А. Жид), столь же наивно, как видѣть в фашизмѣ спасеніе от коммунизма (русская эмиграція). Коммунизм есть русская разновидность той же болѣзни, какую Запад переживает в формѣ фашизма. Отличія коммунизма достаточно объясняются прошлым Россіи: слабостью буржуазнаго воспитанія, кенотическим аспектом русскаго христіанства и т. п.

Отказываясь видѣть в новых формах общества и сознанія подлинное разрѣшеніе духовнаго кризиса, мы усматриваем в них скорѣе послѣднюю стадію той же болѣзни дезинтеграціи духа. В нашу эпоху механизация жизни выражается в двух полярных явленіях: в атомизмѣ «буржуазной» личности и в коллективистическом подавленіи ея. Еще для славянофилов и Достоевскаго (которым коллективизм представлялся в двойном обликѣ католичества и социализма) было ясно, что здѣсь мы имѣем дѣло с положительным и отрицательным полюсами того же явленія: нарушенія гармоническаго, «соборнаго» строя отношеній между личностью и обществом. «Новый Град» принимает полностью это завѣщаніе славянофилов, которое, в концѣ концов, совпадает с человѣческой транскрипціей христіанства. Не надо лишь заблуждаться насчет мнимо-спасительнаго значенія «формул». Нѣтъ ничего легче, как начертать схему идеальных соотношеній личности и общества, ускоренных в Богѣ, нѣтъ ничего труднѣе реализовать их. Само христіанство, жизненно, постоянно раздваивается между утвержденіями личнаго и социальнаго начала. В самом православіи живут обѣ тенденціи. Великій дар «практики», во всем философском смыслѣ этого сло-

на, — будь то этика, политика, искусство, святость — в жизненном воплощении идеи. Малейший намек на реализацию, простой эскиз, конкретное видение, жизненный акт — ценнее стройных систем, округленных теорий. Наше время изголодалось по искренности. Скольжение над пропастями, переброска воздушных мостов справедливо раздражает. Все «гладкое» начинает казаться лживым. Не в этом ли чрезмерном схематизме и преждевременной округленности русского идеализма объяснение бунта Маяковского и всего хаоса разнузданной вместе с ним зверьей правды?

Не будучи «практиками» в прямом смысле слова, новгородцы хотят стать «следопытами» новых дорог. Не пионеры, а топографы новой земли, критики в подлинном смысле слова: оценщиков, измерителей глубин, лопманов опасных переходов — такую мы представляем себя, без ложной скромности, свою роль — Ливкея на корабль аргонавтов.

Никогда еще, со времени перемирия 1918 г., человечество не подходило так близко к новой мировой войне, как в эти дни. На этот раз угроза встала не с той стороны, с которой ее ждали: не Германия, а Италия обнажила меч. Местная колониальная война, в отличие от японского завоевания Китая, грозит превратиться во всемирный пожар благодаря тому, что Италия наступила на невралгический пункт Англии: на ее пути к Индии. Было бы лицемерием отрицать наличие скрытых империалистических мотивов в политике Англии, но было бы цинизмом не верить ее политической искренности. Для всякого наблюдателя английской жизни несомненно, что в глазах рабочих масс Англии, ее интеллигенции, ее церкви не государственный эгоизм, а идея попранного права волнует, будит негодование, толкает к требованию санкций. Здесь мы имеем столь обычный случай совпадения эгоистических и безкорыстных мотивов, которое необходимо для всякого большого национального движения. Чтобы справедливо оценить поведение Англии, нам, русским, достаточно вспомнить нашу балканскую политику, где совер-

шенно чистое и благородное сочувствіе угнетенным братьям-славянам текло по руслу традиціонной государственной экспансіи. В мірѣ повсюду совершались и совершаются насилія; можно сочувствовать бурам, полякам, индусам... Но общенародная волна, для единства своего направленія, требует, хотя бы безсознательно, опоры в коллективном интересѣ.

Вот почему и созданіе международного принудительнаго права, Лиги Націй, не может опираться на чисто идеальныя нормы. Как в источникѣ всякаго государственнаго образованія лежит совпаденіе силы и права, при чем исторія государств есть исторія этизированія созданных силой отношеній, так слѣдует представлять себѣ и взаимный рост сверх-государственнаго права. «Лига Націй» в Женевѣ была созданіем группы держав-побѣдительниц. В этом была не ея слабость, а ея сила. Версальская коалиція могла стать европейской, и — в предѣлѣ — всемірной — лишь в процесѣ расширенія своего руководящаго ядра и этизации своего права, первоначально узко охранительнаго. Status quo должен был расширяться в status, пріемлемый для побѣжденных, для всѣх участников международнаго общенія. Если этого не случилось, если Лига шла от пораженія к поражению, виной тому нерасчетливый эгоизм побѣдителей и, главное, основной раскол в их лагерѣ, проходящій между Англіей и Франціей с ея союзниками. Этот раскол сорвал дѣло разоруженія и привел к вооруженію Германіи, а за ней и всего міра. Этот эгоизм в дѣлежѣ германскаго наслѣдства привел к обидѣ Италіи — основной ранѣ ея истерическаго имперіализма.

Обдѣленная Италія протестует. Та доза справедливости, которая заключена в ея домогательствах (справедливость разбойничьяго стана), испорчена в конец цинизмом ея принципов. Фашистское государство принципиально отрицает право — внутри и во внѣ, и не может понять, почему его апелляція к голой силѣ не встрѣчает всеобщаго сочувствія. Муссолини, драпируясь в римскую тогу, основательно забыл своего Цезаря, если когда-нибудь знал его. Забыл о том, что каждый шаг римской экспансіи был прикрыт защитой международнаго пра-

ва. Но, забыв исторію, Муссолини забыл и нѣкоторые основные факты современной политики.

Эра колониальной экспансіи Европы уже закончилась; начинается отлив, наступленіе цвѣтных рас. Италія опоздала к раздѣлу міра. Нынѣ колоніи перестают быть рынками для европейскаго капитала, и цвѣтные народы — объектом эксплуатаціи. Что сулит Италіи завоеваніе Эіюпіи? Огромныя жертвы, и в результатѣ — полу-цивилизованная страна, обученная и вооруженная своими господами, и готовая в один прекрасный день сбросить их в море. Горе, если національная революція эіюпов совпадет с возстаніем всей арабской и черной Африки против Европы. Муссолини совершает акт, преступный с точки зрѣнія бѣлаго человечества. Уже сейчас ему удастся вызвать впервые в мірѣ общій цвѣтной фронт — от Японіи до негров. В эпоху упадка и междоусобія, в которую вступила Европа (а от Европы ни Италія, ни Германія не отдѣлимы), безразсудство Италіи означает измѣну европейской (римской!) націи, о которой у нас своевременно напомнил В. В. Вейдле.

Занимая таким образом рѣшительную анти-итальянскую позицію в текущем спорѣ, мы отнюдь не горим, подобно лѣвым группам Франціи и Англій, жаждой священной войны. В этом отношеніи урок 1914 года не должен пройти даром. В настоящее время война не только не может быть оружіем національной политики, как заявлял пакт Келлога, но не может вообще быть орудіем политики. Ея послѣдствія непредвидимы; ея разрушенія далеко превосходят всѣ возможные результаты. Различіе между побѣдителями и побѣжденными теряет всякое значеніе. Война есть просто взрыв культуры. До каких предѣлов докатится Европа послѣ новой войны? Быть может, современная Абиссинія покажется для нея идеалом права и свободы. Поэтому мы привѣтствуем всѣ формы международнаго давленія — кромѣ войны. Наилучшим исходом была бы, конечно, собственная Немизида Италіи: пески Абиссиніи, подобно снѣгам Россіи, могли бы похоронить еще одну диктатуру. Итальянскій народ, цѣною отрезвленія от «римскаго» угара, мог бы вернуться к своей подлинной великой традиціи: христіанства и

гуманизма. Данте, а не Цезарь стоит у колыбели его национального бытія.

Есть внутреннее средство между военной опасностью и психологіей фашистских народов. Фашизм — это армія, ставшая государством и нуждающаяся в войнѣ для оправданія своего существованія. Соціальный туман, окутывавшій рожденіе новых диктатур, уже разсѣивается. Соціальныя идеи были хороши, когда нужно было бить коммунизм, ломать буржуазную демократію. Порядок, за счет свободы, был обѣщан для завоеванія хлѣба. Это обѣщаніе осталось невыполненным. Выяснилось, что фашистское государство не спасает народ от экономического кризиса; что огромную власть, которую собрало государство, оно не может употребить на построение новаго общества. Не может, ибо само связано с капитализмом — болѣе постыдно, чѣм поносимый им либерализм. Одна опека над индустріей, одна регуляція при неприкосновенности прибыли, при связи распредѣленія со скудной заработной платой, очевидно, безсильны преодолѣть капитализм. Вот почему, по отзывам многих наблюдателей, в Германіи и Италіи начинается извѣстное разочарованіе в новом режимѣ. В Германіи хозяйственныя затрудненія принимают уже тяжелыя формы. И фашизм должен двигать свои полки, собранные для штурма капитализма, по линіям наименьшаго сопротивленія — против ээіопов или евреев. Но ни ээіопской кровью, ни еврейским униженіем не накормить голодных и не насытить проснувашагося чувства соціальной справедливости. Изнашиваніе диктатур — один из отрадных проблесков сегодняшняго дня.

К сожалѣнію, кризис фашизма не искупается работой и волей демократіи. За истекшій год мы можем занести в наш актив лишь начало бельгійскаго опыта, гдѣ молодежь всѣх партій объединилась для экономической реформы. В Америкѣ Рузвельт продолжает свою борьбу, при возрастающих трудностях и при оппозиціи справа и слѣва. Хватит ли у него сил и рѣшимости вывести из хаоса величайшую демократію міра? Если да, Америка станет новым — подлинно «третьим» — фокусом міровой кристаллизаціи. Если нѣтъ, — скажем себѣ: задача соціальной реконструкціи рассчитана на столѣтіе.

К сожалѣнію, несомнѣнный хозяйственный подъем Англіи связан — хотя бы отчасти — с ростом военной промышленно-сти. И Франція продолжает биться в право-лѣвой лихорадкѣ; фетиши столѣтних знамен замѣняют для нея реальныя программы дѣйствій. До сих пор, при несомнѣнной побѣдѣ идеи управляемаго хозяйства (Лаваль нормирует цѣны!), государство не выходит из мелкой штопки в конец износившагося строя, а терзающія его партіи — и слѣва и справа и из «пореволюціоннаго» центра в своей программѣ не идут дальше лозунгов. Франція все еще ждет своего Рузвельта, который один может спасти ее от бесплодной гражданской войны.

*

Человѣческому сердцу свойственно искать «отрадных явленій», и от сгустившихся над Европой туч хочется отдохнуть на вѣстях, доходящих с нашей родины. В «отрадных явленіях» нѣтъ недостатка. Каждый день приносит извѣстіе о новой реформѣ, о новой побѣдѣ здраваго смысла над остатками коммунистической доктрины. Дисциплина в школѣ, чины в арміи, выдвиженіе по службѣ, а не по партійному стажу. Каждый день овца за овцой выводятся из избы башкира, по извѣстному анекдоту, и обитателям избы, вѣроятно, кажется, что они дышат чистым воздухом. Впрочем, важно отмѣтить: до сих пор реакція не коснулась основ созданнаго революціей хозяйственнаго строя. Государственный капитализм и коллективистическое земледѣліе остаются нетронутыми. В экономической области Сталин, подобно Лавалю, ограничивается мелкой штопкой. Отмѣна карточек, колхозный рынок — как не раз в прошлом, государство дает передышку голода, прикрывает рубище нищеты, в котором живет страна, не открывая дѣйствительных перспектив зажиточности. Есть даже класс населенія, положеніе котораго явно ухудшается: это класс, именем котораго все еще правит диктатор, несчастный, обманутый, русскій пролетаріат.

Если государственный капитализм остается неприкосновенным, в чем же социальный смысл новаго Сталинскаго курса?

Прежде всего в перемѣнѣ соціальной базы, на которую опирается власть. Не пролетаріат, не партія, не молодежь — как еще недавно — но «знатные» люди, удачники, сдѣлавшіе карьеру, поднятые вверх народной волной. Поскольку государство в Россіи — все, всѣ «знатные» люди — служилые, хотя назвать их бюрократіей было бы противно духу этого слова. Несомнѣнно, что в Россіи пробились наверх люди инициативы, воли, талантов, біологическая цѣнность которых уравнивается лишь их безсовѣстностью. Они строят Сталинскую Россію, не имѣющую ничего общаго с коммунизмом. На неравенствѣ, на отборѣ сильных, на строгой соціальной іерархіи, на чувствѣ государственнаго патріотизма, на культѣ арміи. Если бы русское царство вызывало в нас сочувственныя воспоминанія, мы могли бы привѣтствовать безоговорочно черезчур знакомыя черты в націонал-соціалистическом государствѣ СССР. Основные формы его структуры — служба и тягло — уводят нас в глубину допетровских столѣтій. И, как в старой Москвѣ, в отличіе от авторитарных демократій Запада, разстояніе между тяглом и службой все углубляется. По-прежнему іерархія крѣпостнаго государства давит непомѣрной тяжестью на угнетенную массу народа. Интеллигенція сплотилась вокруг трона во имя технической революціи сверху, смысл которой — индустриализація Россіи. Послѣдняя черта, сообщающая всему общественному типу СССР столь динамическій характер, ведет нас прямо в XVIII вѣк. Лишь там мы найдем столь характерное для современности сочетаніе: оды Фелицъ и посланія о «пользѣ стекла».

Одно остается для нас неясным из зарубежной дали, и это неясное — самое волнующее и важное: это прочность новаго «термидоріанскаго» строя. Как относятся к власти, как переносят ее или борются с ней тѣ классы, на хребтѣ которых покоится ея пирамида? Угрожает ли Сталину новая революція рабочих и крестьян? Или, точнѣе: угрожает ли Россіи новое пораженчество народных масс при первом вооруженном столкновеніи? Мы этого не знаем. Мы видим только, что диктатура готова итти на все, что вчера было символом контр-революціи, кро-

мѣ одного: отказа от террора. По-прежнему поѣзда увозят в ссылку безчисленных узников, по-прежнему разстрѣливают мелких преступников. Время от времени массовыя облавы вырывают из столиц — и из жизни — то лѣвых, то правых, дѣйствительных или мнимых врагов власти: троцкистов — студентов или бывших дворян. Если эта свирѣпость, столь не идущая к стилю современной контр-революціонной государственной пропаганды, обоснована в реальных, нам невѣдомых опасностях, тогда это значит: новая пирамида угрожает обвалом, и преждевременно дѣлать ставку на стабилизацию революціи. Но, может быть, это просто привычная реакція деспотизма, уже бессмысленная и ничѣм не оправданная.

Не будучи ни троцкистами, ни смѣловѣховцами мы не имѣем оснований ни для отчаянія ни для восторгов в оцѣнкѣ нынѣшняго дня Россіи. Для нас, сторонников «персоналистическаго социализма», неприемлемы самыя основы новой социалистической деспотіи. Несмотря на диеирамбы совѣтской интеллигенціи, мы не можем присоединить свой голос к хору

ликующих, праздно болтающих,
обагряющих руки в крови.

Но мы признаем огромный шаг вперед, продѣланный со времени военнаго коммунизма и даже послѣдняго года пятилѣтки (1933). Признаем торжество здраваго смысла, воскрешеніе нѣкоторых вѣчных, элементарных начал обще-человѣческой культуры... Признаем и творческій подъем техническаго русскаго гения, огромную работу, совершающуюся в Россіи во всѣх сферах научно-техническаго строительства. Ни духовный ни политическій облик новой Россіи еще не установился. Нам остается пристально вглядываться в туманныя черты Россіи, слушать противорѣчивыя голоса, доходящіе оттуда, осмысливать их — и накапливать внутреннюю собранность, всегда готовую разрѣшиться в дѣйствіе.